

УДК 009

*А. В. Киселев***ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА
«КРАЙ» – «КРАЕВЕДЕНИЕ»**

В статье предлагается основанная на цивилизационном подходе, креативная дисциплинарная трактовка отечественного краеведения и понятия «край» в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах как локализованного в преемственном пространственно-временном контексте исторического сознания местного социума, зафиксированного в ментальной форме «родной край».

Ключевые слова: геоисторический подход, микротип цивилизации «край», модус «здесь-и-сейчас», ментальность «родной край», историческое сознание, социокультурное самопознание.

*A. V. Kiselev***CIVILIZATION EXPLANATION MODEL FOR
«NATIVE LAND» AND «LOCAL HISTORY» CONCEPT**

The article presents, based on civilization approach, a creative disciplinary interpretation of Russian local history and «native land» notion in ontological, epistemological and axiological aspects, as a localized in a successive time and space context historical awareness of a local society fixed in the mental form as «native land».

Keywords: geo-historical approach, civilization micro-type «krai», «here-and-now» mode, «native land» mentality, historical consciousness, socio-cultural self-awareness.

Педагогическая продуктивность, познавательная эвристичность и мощный ресурс модели устойчивого развития на региональном уровне подчеркивает актуальность, прикладной характер отечественного краеведения. Фиксируя на предельном социокультурном уровне – «край» («элементарная конкретность», непосредственное единство противоположностей – общественный индивид и конкретная территория) – связь трех модусов времени – прошлое, настоящее, будущее, краеведение отражает саму основу исторической последовательности процесса. Этот преемственный пространственно-временной контекст краеведения, сохраняя, воспроизводя и транслируя локальную специфику поликультурного мира, эффективно формирует историческое мыш-

ление молодого поколения (главная задача исторического образования), что в условиях глобализации, интернационализации является важнейшим фактором духовной безопасности российского общества. Поскольку утрата социокультурной самобытности неизбежно ведет к потере своего особого места в общемировой семье культур и цивилизаций, а в конечном счете – к существенному ослаблению экономических и геополитических позиций. Отсюда и утверждение академика Сигурда Оттовича Шмидта: «Без краеведения нет России!» [1, с. 2]. Он подчеркивает, что развитие краеведения – задача федерального масштаба, важная и для всей России, и для отдельных ее регионов – и крупных областей, и малых городов [2, с. 11].

Востребованность отечественного краеведения в социально-гуманитарном пространстве сопровождается методологической неопределенностью, наличием различных исследовательских конструкций, как самого понятия «край», так и предметного поля и дисциплинарных полномочий «краеведения», тематический диапазон которого то расширяется, то оказывается предельно узким [3]. Эта концептуальная пластичность в значительной степени объясняется «многослойностью» социального ландшафта, «всепроникающим» и «всепоглощающим» характером местной, краеведческой действительности. С. О. Шмидт отмечает, что круг интересов краеведа – прошлое и настоящее какого-либо края (обычно своего родного – «малой родины»): от малого города, деревни, даже улицы, фабрики, усадьбы, учебного заведения и до крупного региона во всем многообразии тем. [4, с. 8–9]. Академику Сигурду Оттовичу принадлежит также подробное и последовательное определение научной и социальной сущности краеведения в «Российской музейной энциклопедии», 2001 [5, с. 296–297]. Лаконичный вариант дефиниции дан С. О. Шмидтом на международном семинаре «Методология региональных исторических исследований»: «Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популярную и просветительскую работу определенной тематики. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения, а также история жизни своих родных и близких в данной местности». С. О. Шмидт подчеркнул, что в краеведческой работе «объединяются по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня

специальной подготовки. Занятие краеведением по зову души – всегда краелюбие» [6, с. 14–15]. Профессор Н. Н. Тагильцева, акцентируя внимание на том, что «само понятие “край” не нашло до сих пор в литературе более или менее четкого определения... под краем подразумевается какая-либо единица местности – от населенного пункта (или части его) до целого региона» [7, с. 297], предлагает свою дисциплинарную трактовку «краеведения», с которой солидарен профессор Александр Михайлович Селиванов (автор самого удачного пособия по историческому краеведению, отмеченного дипломом Министерства образования и науки РФ 2006 г. в номинации «Лучший учебник года»). Он считает, что «краеведение можно определить как синтез наук, раскрывающих историю, культуру, экономику, природные особенности какой-либо единицы местности, объединенных рядом специфических методов познания, поиска, распространения знаний и чувством сопричастности к судьбе изучаемого объекта» [8, с. 19]. В социокультурном контексте потенциал краеведения, как «тип комплексных наук», рассматривался академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым: «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура, как растение: у нее не только ветки, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней» [9, с. 7]. Философ культуры обращал внимание, во-первых, на аксиологическую составляющую краеведческого знания, что это «воспитывающая наука», с исключительной «моральной отдачей», «основа нравственного воспитания народа», что она вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать [10, с. 4]. Во-вторых, академик указывал на эмпиричность, «при-

ближенность» краеведения «к изучению отдельных людей в местной обстановке», что это подлинное знание, идущее от реальности, обладающее потому информационной энергетикой, информационным магнетизмом. Отсюда чрезвычайно важная и исключительно редкая, по мнению Дмитрия Сергеевича, особенность краеведения как науки: у нее нет «двух уровней» – для ученых-специалистов и для «широкой публики». Она сама по себе популярна, учит не только любить свои родные места, но и любить знания о них. Это самый массовый вид науки [11, с. 159–160]. В-третьих, краеведение – это не только наука, но и деятельность, благодаря которой «культура из лежащей втуне становится действенной и “работающей”» [11, с. 173].

Итак, на рубеже XX–XXI столетий в отечественном гуманитарном познании сохраняется недостаточная ясность содержания категории «край» и предметного поля «краеведения», которое было зафиксировано еще в 1946 году академиком, профессором МГУ, знаменитым географом, педагогом и методистом Александром Сергеевичем Барковым. Он писал, что «эта отрасль знания, значение которой многими теоретически признается, до сих пор не имеет общепринятого понимания» [12, с. 71]. А. С. Барков предложил свое видение отечественного краеведения, ставшее общепринятым в послевоенный период: «Краеведение есть комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края в интересах социалистического строительства» [13, с. 80].

Таким образом, представляется необходимым более углубленная разработка понятийно-категориального аппарата

исторического краеведения, что позволит уточнить его предметное поле в отечественном гуманитарном пространстве в целом и историографическом в частности.

Исходя из творческого наследия академиков М. А. Барга и И. Д. Ковальченко, раскрывающих теоретико-познавательный ресурс цивилизационного подхода и эвристичность феномена исторического сознания, философского анализа гносеологических проблем процесса познания, данного академиком П. В. Копниным, понимания академиком Б. М. Кедровым пространственно-временного единства социальной реальности, а также учитывая методологически плодотворный опыт «золотого десятилетия» (1917/1918–1927/1929 гг.) в осмыслении аксиологической значимости краеведческого знания, предлагаем авторскую креативную цивилизационную модель концепта «край» – «краеведение» [14].

Этимологически «край» имеет славянскую основу и связан с чередованием гласных в слове «*кроить-кроватьи*» – резать. Первоначальное (негеографическое) значение – «предельная линия, предельная часть чего-либо» – сохранилось в русском языке в качестве первого объяснения слова *край*. В «Толковом словаре живаго Великорусского языка Владимира Даля» (Москва, 1881 г.) «край» определялся как «начало и конец; предел, рубеж, грань, кромка; бок, сторона или полоса, ближайшая к наружности» [15, с. 184]. Естественно, что термин «край» стал основанием для обозначения окраинных территорий. В XVIII–XIX веках *краем* назывались территории на краю империи, включавшие в себя несколько губерний (Сибирский край, Привислинский край). В словаре В. И. Даля «край» объясняется еще и как «земля, область и народ» [15, с. 184]. Термин «область», произойдя от общеславянского слова «об-

власть», первоначально имел значение «территории, находящейся под единой властью». У В. И. Даля «область» трактуется как «страна, земля, государство; у нас край под особым управлением, не названный губернией; вновь устраиваемая страна» [15, с. 593]. Таким образом, слово «край» и «область» объединяет понимание их как пространства «заполняемого», осваиваемого людьми.

Модернизационный сдвиг, индивидуализирующий российское общество, изменяет семантику слова *край*. Он теряет неопределенно-территориальный аспект, приобретая антропологическое наполнение. Последнее наиболее ярко проявилось в противопоставлении *родной край* – *чужой край*, что свидетельствовало о восприятии *края* с позиций его обитателей. Примечательно, что В. И. Даль, в качестве одного из вариантов, раскрывающих содержание слова «край», использует половицу «что край, то обычай; что народ, то вера; что купец, то и мера, т. е. у всякого своя» [15, с. 184]. Любой *край*, по мнению В. И. Даля, имеет свое «лицо», особенность, а последнее создается живущим в нем населением. Поэтому он воспринимает *край* и как «местный, туземный, к этому краю относящийся» [15, с. 184], то есть слова *край* и *местный* для него синонимичны, тождественны по смыслу. Этимологически слово *место* не представляет собой загадки, оно отражено во всех славянских языках и означает *селение, город; местечко-городок*. По В. И. Далю, *место* есть «известное пространство, посад, селение в виде городка, города»; *местный* значит «к какому либо месту относящийся. Местный говор, обычай» [15, с. 369–370]. *Место*, выступая как первичное социальное пространство, объединяет людей, которые неравнодушны к занимаемой территории и потому стремятся быть *вместе, вместиться, поместиться* [16, с. 607–608].

Субъектность *места* отразилась в производном термине «местичь – местничь», что означало у В. И. Даля «житель, обыватель, обитатель места», в используемой им поговорке – «Не место человека красит, а человек место» [15, с. 370].

Антропологичность *края*, сфокусированная в слове *место*, переводит терминологический анализ в сферу ценностных структур, имеющих мощнейшее эмоциональное наполнение. В аксиологическом контексте субъектность *места* (т. е. единство общественного индивида и конкретной территории) формирует личностный смысл – «родное место» – осознание *места* в «значении-для-меня», духовно наполняя его проникновенным чувством Родины. Как писал академик Д. С. Лихачев, земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. В словаре В. И. Даля *Родина* есть «родимая земля, чье место рождения, где кто родился», он подчеркивает исключительную ценность этого социального пространства для человека: «И кости по *родине* плачут» [17, с. 11]. Академик М. М. Богословский (1867–1929 гг.), выступая на первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, в декабре 1921 года, говорил: «Каждому из нас свойственно это чувство любви к родине, любви к родным местам. Само слово “родина” употребляется в двояком смысле. Прежде всего, это слово употребляется в общем смысле, совпадая в своем значении с термином отечество. Гораздо более узко термином родина обозначается то, что мы называем словами “родная сторона”, т. е. местность рождения, происхождения, место, с которым связаны воспоминания детства и т. д.» [18, с. 118].

Итак, неопределенно-территориальный аспект термина «край», фиксируемый как «область», под воздействием модернизационного процесса, эволюционировал

в социально обжитое пространство, определяемое как «место». Субъектность *места* образовала аксиологическое ядро «края» – малая родина – родное место – «ключевое» представление, структурирующий смысл в системе мировоззренческих и ценностных ориентаций местного населения. «Край» в силу этого выступает в качестве символа – «обозначает», несет в себе смысл – «родное место», которое характеризуется неисчерпаемостью и многозначностью (у каждого своя малая родина). Здесь смысл символа не дан, а задан, поэтому край выступает в качестве пространственно-временной модели социально-обжитой местности (форма всякого бытия, пространственно-временное единство). Край – это не территориально-административное образование, а символ, социокультурная модель пространственно-временной реальности – малой родины. Символ «край» есть смысловая матрица многомерного понятия «родное место». Лишенный внутреннего содержания, то есть смысла «родное место», «край» превращается в неопределенную, «пустую внутри», пространственную форму, которая наполняется различными, очерченными извне, территориальными единицами, как «часть страны», губерния, район, деревня, город, «место пребывания какого-то коллектива». Отсюда и проблема дефиниции, что есть край, его граничности, предела при постоянной пульсации, пластичности последних. Территориальная интерпретация «края» попыткой «задать границу» исключает смысловое содержание, поэтому непродуктивна, зыбка и неустойчива. Антропологический подход, основанный на самоидентификации человека с определенной местностью в качестве своей родины, устанавливает единство символа и смысла («край» – «родное место»), что фиксируется словосочетанием «местный край», «родной край». Этот ментальный

конструкт локального, являясь прежде всего индивидуальным актом социальной рефлексии, предельно конкретизирует символ «край», снимает его неопределенность пространственно-временной модели погружением в объективную, повседневную жизнь обитателя места («здесь»), сознание которого и осуществляет смысловую демаркацию своего пространства («сейчас») в качестве родного места. Родному краю, следовательно, свойственна не материально-территориальная граница, а духовно-смысловая демаркация. «Граница» не актуальна для «родного края», поскольку имеет, во-первых, экзогенный характер, задается извне, материализуя пространственно-временную модель без смыслового наполнения, выражая этим явление, а не сущность, это не смысловое (родное место) обозначение ландшафта, а символическое (край) ограничение территории; во-вторых, ее функциональная природа «агрессивна», состоит в разделении территории и требует непрерывного контроля; в-третьих, граница противоречит принципу целостности, нарушая внутреннее живое единство самой части (родной край), она разрывает диалектическую связь между частями (родной край) и целым (отечество), что порождает в исследовательской практике гносеологический тупик, а в политической – сепаратизм и уничтожение целого. Духовно-смысловая демаркация «родного края» эндогенна и соответствует принципу целостности, поскольку, во-первых, выступает внутренней гранью целого (отечества), осуществляя этим взаимосвязь с ним в качестве части; во-вторых, демаркация есть линия на стыке частей (родной край / чужой край), это линия отличия и взаимодействия, которая одновременно формирует и объединяет их в целое – отечество. Демаркация, как нематериальная грань и линия, замыкает духовно-смысловое содержание –

«родное место» – в пределах определенного материального социума, порождая этим не слишком жесткую и не слишком аморфную морфологию «родного края» в пространственно-временном измерении, которая фиксируется идентичной ментальностью в местном сознании и сохраняется в преемственной памяти истории, т. е. передается в сообществе от поколения к поколению посредством механизма воспитания.

Таким образом, не объективное – территория, обозначенная границей, а субъективное – тождество в индивидуальном сознании смысла («родное место») и символа («край»), скрепляемое демаркационной линией (модус «здесь-и-сейчас») во временном контексте истории (прошлое, настоящее, будущее), творит объективное пространственно-временное бытие «родного края». В контексте диалектики субъективного и объективного «родной край» есть классический пример ее внутренней взаимосвязи, отражая органическое сочетание в социальной действительности бытия и сознания, материального и духовного. Как историческая реальность «родной край» есть непрерывный процесс субъективизации объекта, т. е. смысловое освоение конкретной действительности в качестве «родного места», и объективизации субъекта, т. е. обретения смыслом «родное место», через тождество с символом «край», пространственно-временных характеристик объективно-локального. «Схваченная» местным сознанием диалектичность субъективно-объективного материализуется в условиях конкретного места «здесь» и в соответствии с определенным временем «сейчас» (локализованное пространственно-временное единство) в «родной край», который существует только в преемственном пространственно-временном контексте истории – в единстве

ее трех модусов – прошлое, настоящее, будущее. Вне процесса истории, то есть вне связи трех модальностей времени – прошлое, настоящее, будущее, живая взаимосвязь субъект-объектного в «родном крае» разрывается, что приводит к его отрицанию. Сопряжение трех временных проекций «родного края» – его «родового» прошлого (генезис), его «видового» настоящего (миропонимание, представление об окружающем мире и своем месте в нем) и его исторического будущего (целеполагание) – происходит на почве настоящего. Именно в настоящем самоидентификация индивида наделяет «нейтральный» ландшафт предметным, ясным смыслом (мое родное место), объективируя тем самым пространственно-временную модель символа (край) реальностью конкретного социума как «родной край», который наполняется глубоким духовно-нравственным содержанием через связь с прошлым и будущим. Без обращения к прошлому (его генезис) нельзя до конца осознать настоящее «родного края», как в равной мере нельзя его понять без обращения к будущему, без элементов будущего в настоящем. Человеческая субъективность, совмещающая временные модусы в настоящем, создает процедурой придания смысла и одноименную ментальность, которая своей историчностью (единством временных параметров) обеспечивает объективное непрерывное пространственно-временное бытие местного общества. Ментальность «родной край» (результат человеческой субъективности) фиксируя, сохраняя и транслируя во времени смысловую доминанту (родное место – осознание места в значении малой родины), выполняет функцию исторического сознания (единство трех модусов времени) на локальном уровне и выступает поэтому важнейшим условием исторической устойчивости самого местного со-

общества. Ментальный каркас локального исторического сознания – «родной край» – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост ведущий местный социум из прошлого в будущее.

Проведенный терминологический и понятийный анализ выявил единую теоретико-логическую систему: в последней степени абстракции «родной край» есть связь «края» и «родного места». Понятия «край», «родное место», «родной край» являются исходными элементами познавательного процесса. Синтезирующим компонентом, то есть «идей», которая объединяет их в единую теоретическую систему, выступает категория «цивилизация», единственная в теоретико-методологическом арсенале историка категория, позволяющая, во-первых, осмыслить локальный исторический процесс в единстве пространственных и временных параметров как неразрывную связь; во-вторых, реализовать в локальном антропологичность человеческой субъективности; в-третьих, раскрыть локальное ментальностью в аксиологическом контексте как результат самоидентификации. В силу своей фундаментальности, определившей интегративную, синтезирующую способность, категория «цивилизация» обретает подлинно парадигмальную функцию, модифицируя «край» как символ смысла «родное место» в предельный хорологический (территориальный) тип цивилизации на микроуровне (предельный хорологический тип цивилизации на макроуровне «отечество-Россия»). Средством объединения понятий «край», «родное место», «родной край» в концепцию микротипа цивилизации является модус «здесь-и-сейчас». Это принцип формирования цивилизационной теории края, он тоже идея, но не в структуре самой парадигмы, а в методе ее построения. Понятия «край», «родное место», «родной край» связаны между собой

модусом «здесь-и-сейчас» как исходным принципом, он основа единства понятий, поскольку отражает их субстанциальное свойство (предельное основание).

Если хронологическая типологизация цивилизаций выдвигает на первый план связь вещей и явлений во времени – прошлое, настоящее, будущее, т. е. историческая последовательность, то хорологическая делает акцент на связь вещей и явлений в пространстве (ландшафт, определенное место). Но поскольку все процессы совершаются в пространственно-временном единстве, то хорологическая типологизация цивилизаций рассматривает существующую связь в пространстве вещей, явлений (край) как результат времени, т. е. продукт длительного предшествующего развития (генезис, происхождение, история края). Таким образом, хорологическая типологизация цивилизаций «улавливает» диалектическую взаимосвязь пространства и времени: ландшафт, место (край) раскрывается историей, а история раскрывается в ландшафте, в месте (в крае). «Край» в силу этого и обретает статус микротипа цивилизации как геоисторическая реальность (частица «гео» означает связь вещей, явлений в пространстве).

Содержание теории микротипа цивилизации раскрывается в трех узловых понятиях, из которых исходным является «родное место», центральным – «край», завершающим – «родной край». Исходное понятие теории – «родное место» – выражает субстанциальное свойство (предельное основание) микротипа цивилизации. Представляя собой «элементарную конкретность», непосредственное единство противоположностей (общественный индивид и конкретная территория), «родное место» является основой выведения более сложных понятий. Смысл исходного понятия – осознание места в значении малой родины – выступает в качестве онтологи-

ческой, гносеологической и аксиологической субстанции микротипа цивилизации.

Центральное понятие «край», совпадая с «идеей», обобщает фундаментальные свойства микротипа цивилизации, характеризуя его как целое, и тем самым раскрывает сущность.

Завершающее понятие «родной край», отражая во временном ряду диалектику субъект-объектного, характеризует цивилизационное качество микротипа «край», выраженное человеческой субъективностью в ландшафтно-смысловой самоидентификации. В цивилизационном прочтении «родной край» есть содержательная суть и в силу этого объяснительное начало микротипа цивилизации «край». Объективность «родного края» определяет через модус «здесь-и-сейчас» морфологию «края», а субъективность – осознание места в значении малой родины – духовно-смысловую доминанту, аксиологический стержень микротипа цивилизации, фиксируемой одноименной ментальностью. Выполняя функцию исторического сознания на локальном уровне, ментальность «родной край» обеспечивает историческое бытие микротипа цивилизации «край».

Таким образом, цивилизационная парадигма позволяет концептуализировать (сущностно определить) «край» как материальную геоисторическую форму ментальности «родной край», смысловой статус которой определен модусом «здесь-и-сейчас» как «родное место».

Поскольку микротип цивилизации «край» есть материализованное состояние «здесь-и-сейчас», то он является реальным историческим хронотопом (носитель аксиологического ядра), то есть способом существования смыслонесущей доминанты российского социума – Родина. Таким образом, микротип цивилизации «край» есть такое сущностно «конечное», в ко-

тором содержится вся потенция реальной множественности цивилизации макротипа «отечество-Россия». Отсюда «край» выступает в качестве универсального кода Российской цивилизации, проявляющийся в универсализме стиля жизнедеятельности обитателя края. Этот стиль характеризуется не тем, что осознанно преследуется жителем края, что находится в фокусе животрепещущей повседневности, а тем, что остается как бы им не замеченным, но что составляет для него изначальную данность, впитываемую в процессе социализации как унаследованное, нормативное начало жизни в семье, обществе в целом. Это любовь к России. Ключевая особенность российской общности – самосохранение через самоограничение – востребовала общинную ментальность крестьянства с ее способностью признавать «Общее» более важным, чем «Частное» (отнюдь не отвергая последнее). Отсюда духовно-нравственная доминанта российской истории – идея отдать все ради общего блага и не искать личной выгоды. Если европеец любит «себя» в Родине, то русские – Родину в «себе».

Универсальный код российской цивилизации «край» есть результат диалектического взаимодействия двух отправных начал: первое – локально-объективное – пространственно-временное непрерывное единство, выраженное модусом «здесь – и – сейчас»; второе – локально-субъективное – историческое сознание местного социума, непрерывно воспроизводящее пространственно-временной модус «здесь – и – сейчас» ментальностью «родной край» в трех временных проекциях. Отсюда край представляет собой двухполюсную структуру, сопряжение локально-континуального (локальная пространственно-временная связь) и локально-темпорального (локальная связь трех модальностей времени). Структурирующим

компонентом микротипа цивилизации «край», совмещающим модусом «здесь-и-сейчас» континуально – темпоральную связь, выступает антропогенный элемент – местный житель, сознание которого отразило двухполюсность смысловой связкой «конкретное место – конкретное время» в преобладающем пространственно-временном контексте истории, что и зафиксировалось ментальностью «родной край».

Цивилизационный анализ, исходя из вышесказанного, позволяет дать следующую формулировку понятия «край»: это хронологический культурно-исторический микротип организации самобытной общности людей, объединенных идентичностью менталитета «родной край», модус которого выступает основанием пространственно-временной морфологии.

Поскольку основной функцией научной теории является онтологически-познавательная, имеющая цель научного познания объективного мира, то онтологическое знание микротипа цивилизации выступает в качестве методологической основы научно-познавательной деятельности, направленной на изучение «края».

Двухполюсность структурирующих начал цивилизационной парадигмы определила два исследовательских подхода и принципа в познании «края», во-первых, пространственно-временное единство или геоисторический подход, воспринимающий «край» как результат диалектического взаимодействия социального пространства и социального времени. Средством реализации данного подхода является локальный принцип, который позволяет осуществить «стыковку» пространственно-временных социальных параметров, «увидеть» диалектическую взаимосвязь социального пространства и социального времени. Вторым исследовательским подходом – антропологический, осмысливающий локальное

социальное пространственно-временное единство как процесс творчества человеческой субъективности, результат которой проявляется в двух ипостасях: материальной (объективной) – «край» и идеальной (субъективной) – ментальность «родной край». Антропологичность раскрывается рефлексивной способностью и эмоциональностью человека на основе аксиологического принципа, определяющего «процедурой придания смысла» конкретный ландшафт в значении «родное место», ментальная проекция которого «родной край», выполняя функцию матрицы микротипа цивилизации, решает научно-познавательную проблему «края».

В научно-практической плоскости указанные исследовательские подходы и принципы реализуются модусом «здесь-и-сейчас». Выступая как принцип теории микротипа цивилизации, как средство объединения исходных понятий в цивилизационную парадигму «края», модус в краеведческой научно-исследовательской деятельности выполняет универсальную познавательную функцию (формула). В онтологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выражает в концентрированном виде знание цивилизации микротипа «край» как конкретно-объективной пространственно-временной социальной (геоисторической) реальности. Модус «здесь-и-сейчас» – это своего рода онтологический стержень, проходящий сквозь понятия «край», «родное место», «родной край». В гносеологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выступает ведущим первоначалом, исходным моментом в исследовании «края», характеризуя этим его суть. Только через модус «здесь-и-сейчас» полноценно раскрываются эвристические возможности геоисторического подхода и локального принципа, осуществляется антропологическое видение «края»

в контексте пространственно-духовной самоидентификации как действительно-го жизненного процесса деятельных людей. В аксиологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» формирует ментальный конструкт микротипа цивилизации «родной край». Выполняя смыслообразующую функцию, модус выступает уже в качестве аксиологического стержня понятий «край», «родное место», «родной край». Создавая пространственно-временное (цивилизационное) смысловое единство, ментальное содержание модуса «здесь-и-сейчас» порождает в нем стремление к практической реализации, к своему материальному воплощению, утверждению себя в предельный хронологический тип цивилизации на микроуровне. Универсальность модуса «здесь-и-сейчас», совмещающего в себе онтологическую, гносеологическую и аксиологическую функцию, определила его в качестве идеала краеведческого познания. Модус эвристичен, он показывает, как необходимо организовать процесс получения нового краеведческого знания, в нем заключено знание о том, как должно совершаться краеведческое познание. Полифункциональность модуса «здесь-и-сейчас», раскрывающая теоретико-познавательную фундаментальность микротипа цивилизации «край», утверждает его методом научно-краеведческой деятельности. Непосредственно в исследовательской практике метод «здесь-и-сейчас» реализуется методикой, то есть постигает новое через совокупность эвристических правил и процедур, приемов и операций, суть которых выражена в локальном и аксиологическом принципе. Локально-аксиологическая методика метода «здесь-и-сейчас» с необходимостью предполагает:

- 1) поскольку микротип цивилизации «край», как геоисторическая реальность, есть результат «слияния» социально-пространственных и социально-времен-

ных параметров, то полноценное его изучение возможно только при условии нахождения в самом месте этого «слияния», т. е. в крае; 2) поскольку микротип цивилизации «край» есть материальное воплощение ментальности «родной край», а последнее является продуктом ландшафтно-смысловой самоидентификации обитателей места, то только представитель местного социума может осуществить эффективное, проникающее исследование края; 3) поскольку ментальность «родной край» есть результат процедуры придания смысла, то в исследовательской практике это смысловое (родное место) обозначение ландшафта выступает в качестве когнитивной процедуры постижения ментальности «родной край», как саморефлексия, материализующая микротип цивилизации «край»; 4) поскольку ментальность «родной край» выполняет функцию исторического сознания (сопряжение трех модальностей времени: прошлое, настоящее, будущее) на локальном уровне, транслируя во времени смысловую доминанту (родное место – осознание места в значении малой родины), то только темпоральное измерение, устанавливающее связь времен, определяет духовно-нравственное содержание ментальности «родной край».

Таким образом, исходя из онтологически-эпистемологической парадигмы микротипа цивилизации, определившей теоретико-познавательную концепцию – методологию «края», краеведение есть геоисторическое (пространственно-временное) социокультурное самопознание (интроспекция) родного места в преемственном пространственно-временном контексте истории, в единстве трех модальностей – прошлое, настоящее, будущее. Краеведение – это история исторического сознания местного социума на предельном социокультурном уровне «край».

Литература

1. Шмидт С. О. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. – 1999. – № 1. – С. 2–11.
2. Шмидт С. О. История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне». Зарайск, 30 января 2004 г. – М.: АНО Издательский центр «Москововедение», 2004. – С. 11–30.
3. Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 158–163; Топчий А. Т. Историческое краеведение. (Предмет и метод) // Историческое краеведение: теория и практика: материалы Российской научно-практической конференции. – Барнаул, 1996. – С. 35–39; Кацюба Д. В. Методологические и методические аспекты изучения истории населенного пункта // Историческое краеведение в школе и вузе: материалы первой Всероссийской научной конференции (14–15 декабря 1994 г.) – Кемерово, 1994. – С. 92–96; Козлов В. Ф. Организационные основы современного вузовского краеведения // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 32–34; Добренский С. И. Рефлексия исторического краеведения и региональная история в Российской историографии конца XX – начала XXI веков // Краеведческие исследования. (Краеведение и местные сообщества). – Рязань, 2004. – Вып. 2. – С. 19–28; Корзун В. П., Рыженко В. Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 35–37; Афиани В. Ю. Десять лет программе «Культура Российской провинции» // В. О. Ключевский и проблемы Российской провинциальной культуры и историографии: материалы научной конференции. Пенза, 25–26 июня 2001 года. – М., 2005. – Кн. 2. – С. 24–34; Клубков П. А. «Регион», «край», «краеведение» как слова и понятия // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 23–25; Мохначева М. П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. 1–2 декабря 2003 г. – М., 2006. – С. 76–91.
4. Шмидт С. О. Вступительное слово // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: материалы Всероссийской конференции. 10–11 декабря 1998 г. Москва. – М., 1999. – С. 7–18.
5. Шмидт С. О. Краеведение // Российская музейная энциклопедия / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. – М., 2005. – 845 с.
6. Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 11–15.
7. Тагильцева Н. Н. Специфика краеведения как синтеза наук. (На примере краеведения Уральского региона конца XIX в. – 1930-х гг. XX в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России: сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. – М.: РГГУ, 2000. – С. 295–297.
8. Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2005. – 367 с.

9. Лихачев Д. С. Любить родной край // Отечество. Краеведческий альманах. – 1990. – № 1. – С. 7–10.
10. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории практики: сб. ст. / АН Украины; Ин-т истории Украины / отв. ред. П. Т. Тронько. – Киев: Наук. думка, 1991. – С. 3–4.
11. Лихачев Д. С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
12. Барков А. С. О научном краеведении // Он же. Вопросы методики и истории географии. (Избранные работы). – М., 1961. – 263 с.
13. Барков А. С. Еще о научном краеведении // Он же. Вопросы методики и истории географии. (Избранные работы). – М., 1961. – 263 с.
14. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования. (Человеческое измерение) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 70–85; Он же. Проблема человеческой субъективности в истории (Методологический аспект) // Цивилизация / Российская АН, Отделение истории, Институт всеобщей истории. – М.: Наука, 1992. – Вып. 1. – С. 69–87; Он же. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки // Коммунист. – 1991. – № 3. – С. 27–35; Он же. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.; Он же. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 49–66; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3–33; Он же. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): сб. материалов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 519 с.; Он же. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 438 с.; Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 567 с.; Кедров Б. М. О геометоду как особом способе познания // География в системе наук. – (Серия «Современные проблемы географии» Академия наук СССР, Географическое общество СССР). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – Сб. 2. – С. 7–10; Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. – 1926. – № 4. – С. 487–508; Феноменов М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. – 1926. – № 2 – С. 153–165; Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – 1928. – № 6. – С. 322–338; Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181–194; Феноменов М. Я. Значение монографического изучения деревни // Краеведение. – 1926. – № 3. – С. 297–310; Муратов М. В. Изучение местного края. Опыт введения в краеведение. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мир, 1925. – 109 с.; Большаков А. М. Введение в краеведение / предисл. акад. С. Ф. Ольденбурга. – М.; Л.: Прибой, 1929. – 208 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М., 1979. – Т. 2. – 779 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1989. – Т. 2. – 671 с.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М., 1979. – Т. 4. – 683 с.
18. Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения. Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром / под ред. В. В. Богданова. – М.: Нижполиграф, 1923. – С. 118–124.